

А.И. Неклесса,
научный руководитель семинара

Коллеги, переходим к дискуссии. Тема актуальная, интересная, имеет прямое отношение к ситуации, которая складывается в Российской Федерации. С одной стороны, мы видим сложности с удержанием прежней системы, с другой — определенные попытки изменить, модернизировать ситуацию. Однако проектируемые вектора изменений лишь умножаются, но при этом не соединяются в единую конструкцию. Очевидно, что интеллектуальный поиск востребован, хотя дело, видимо, скорее в демонстрации политической воли, нежели в выработке сценариев.

Амбициозный класс как условие выживания цивилизации

А.Н. Окара,
кандидат юридических наук

Мне очень понравилась метафора о цивилизации как корабле. Если не путаю, на первом съезде народных депутатов писатель Юрий Бондарев сравнил страну в эпоху горбачевской «Perestroyki» с самолетом: мол, в воздух подняли, а как и куда посадить — никто даже не думал.

Хорошая метафора, но находка про корабль, про условия его выживаемости, борьбу за живучесть, метафора с перевора-

чиванием и остойчивостью — это очень конструктивно и концептуально: тут речь идет не просто о единичном образе, а о параллелизме образных систем. Возможно, еще уместнее было бы сравнивать с кораблями не цивилизации, а государства. Советское государственное строительство моделировалось на риторическом уровне при помощи строительных метафор — считалось, что это масонская традиция: «мы строим коммунизм», «прорабы перестройки» и т. д. Но метафорический ряд из науки о плавучести и выживаемости судна — это очень ярко, эвристично и образно!

Теперь о факторах, на которых строится цивилизационная идентичность. Сложная дилемма — основывается ли она на критериях духовной культуры и религии, то ли она основывается на вполне материальных факторах — как то организация хозяйства, организация социальности и т. д.? И тут мы видим два типа достаточно четких границ.

С точки зрения цивилизации как сообщества, основанного прежде всего на религиозных и культурных ценностях, «российская цивилизация» — это метафора, в научном отношении это словосочетание не очень убедительно. Представляется, что уместно говорить именно о восточнохристианской, а не российской, русской или восточнославянской цивилизации. То есть, Россия — это не государство-цивилизация как Китай, Индия, Япония или Израиль. Россия — это конгломерат различных цивилизаций, при том что структурообразующей для нас является восточнохристианская цивилизация, носители которой абсолютно доминируют. Но составными частями восточнохристианской цивилизации являются также и государства, никогда не входившие ни в ни в Российскую империю, ни в СССР, ни в РФ, — те же Сербия, Болгария, Румыния, Греция (последняя не входила даже в соцлагерь). Говорю это, поскольку социальный и культурный опыт нашей цивилизации более широк, чем наш национальный и государственный опыт.

Только что я был па пресс-конференции в агентстве РОС-БАЛТ, посвященной пятилетию Оранжевой революции в

Украине и ее влиянию на внутрироссийскую политику. Я попытался проанализировать Оранжевую революцию с точки зрения теории модернизации. Поскольку две главные ее интерпретации — конспирологическая (приехали злобные американцы и за свои «апельсиновые» доллары устроили «управляемый хаос») и восторженная (восставший против фальсификаторов результатов выборов народ проявил свою демократичность, высокое сознание и европейскость) — это есть снаряды информационной войны. Но с точки зрения теории и практики модернизации те предпосылки, которые были в Украине в начале 2005 г., — это достаточно интересная и серьезная альтернатива для модернизационных процессов. Правда, эти шансы были упущены — прежде всего, в связи с субъективными факторами, а именно в связи с тем, что в Украине после Оранжевой революции не было своей эффективной контрэлиты, т. е. все яркие деятели революции, начиная с Ющенко, были не контрэлитой, а такими же политическими «детьми Кучмы», как и Янукович и его окружение. Просто их в какой-то момент отлучили от процесса распределения ресурса — это был их главный мотив.

Я вспомнил об Оранжевой революции в связи с тем, что это тоже яркое явление, имманентное восточнохристианской цивилизационной идентичности, но совершенно невозможное в условиях российской политической системы.

Если говорить о геокультурных и цивилизационных границах с Западом, то они проходят между православными славянами и славянами — католиками и протестантами (Польша, Чехия, Словакия, Хорватия, а также неславянские страны Балтии, Венгрия).

Но если говорить о кордонах различной социальности, то они приблизительно совпадает с ареалом распространения Магдебургского права. Оранжевая революция, а также аналогичные события в Сербии и Грузии — потерянный шанс для модернизации Украины, но говорить о том, что это есть отход от одной цивилизационной матрицы в направлении

другой (западной), я бы не стал. Восточнохристианская цивилизационная общность, как мне представляется, имеет в своем арсенале различные модели социальности. Например, в пределах Великороссии есть одна модель, которую так удачно описал А.И. Фурсов в концепции русской власти: доминирующий тип политической культуры основан на том, что властная корпорация является абсолютным монополистом управления. С другой стороны — полиархия, которая зафиксировалась в современной украинской политической системе благодаря именно Оранжевой революции. Там есть несколько конкурирующих субъектов, а политический процесс — публичная борьба этих субъектов между собой. В принципе, эти типы социальной организации можно сравнить с античными — с римским типом и эллинистическим.

Что лучше: российская модель или полиархическая украинская модель — это большой вопрос. Кому что больше нравится. Но нельзя говорить, что нашей цивилизационной матрице соответствует лишь один-единственный тип политической культуры и организации. Кому-то нравится монопартийность — представляется, что она эффективнее для развития страны, кому-то больше нравится многопартийность. Пока результаты развития и в Украине, и в России вполне удручающие. Ни тут, ни там нет модернизации; но в Украине, как и в любой хаотической среде, есть основа для инноваций, в том числе и социальных. У нас же, в нашей среде, где порядок и стабильность выступают в качестве главных ориентиров для публичной политики и властной риторики, предпосылок для социальных инноваций не так много. Если у кого-то после статьи Д.А. Медведева «Россия, вперед!» появились надежды на модернизацию страны (а у меня они появились), то после его послания Федеральному Собранию их стало меньше.

Еще в докладе мне понравились рассуждения о доминирующей социальной группе, о культурно-историческом типе, как там сказано. (Хотя я не уверен, что тут подходит подоб-

ный термин — у Данилевского под культурно-историческим типом понималась цивилизация. Тут может быть не «культурно-исторический тип», а «ведущий класс» или что-то в этом роде.) То есть, кто является мотором, основным субъектом развития страны. Действительно, очень правильно сказано, что в наши времена доминирующим типажом стал такой специфический городской мещанин, у которого на первом месте потребление и который изначально не является субъектом. С натяжкой это можно назвать средним классом.

У меня есть свой ответ на вопрос, кто может стать новым эффективным субъектом развития в современной России, — это так называемый креативный класс, но это тема отдельно большого разговора.

Такой ведущий класс — это становой хребет нации, это надежда на ее развитие в будущем, но он формируется не по принципу классовой принадлежности, не по принципу образования, а по каким-то энергетическим, пассионарным, мировоззренческим критериям. Это очень важный момент в докладе Сергея Георгиевича — данная тема мне кажется крайне интересной для дальнейшего обсуждения и развития.

Действительно, задача — собрать и консолидировать новый социальный субъект, у которого есть собственный проект развития страны, государства и общества. Но российская система власти устроена так, что властная корпорация является абсолютным монополистом, поэтому очень сильно боится самодостаточности иных субъектов, помимо себя. Российская политическая традиция имеет очень хорошо разработанную систему «слива» субъектности амбициозных классов. Мы как-то рассуждали об это с Борисом Межуевым применительно к фильму Сергея Соловьева «Асса», а сейчас выходит «Асса-2». 1988 г. — разгар или уже конец Перестройки, до развала СССР — несколько лет. Но каков главный мессидж этого фильма? «Перемен, мы ждем перемен!». То есть, мы не совершаем перемены, мы их ждем. И мы

пришли к выводу, что и этот фильм, и весь тот тренд, который предлагался тогда властной корпорацией, т. е. Кремлем, обществу и прежде всего молодежи, заключался в том, чтобы эту социальную энергию максимально слить, максимально «канализировать». Вот появляются люди, которые говорят: мы готовы быть мотором или субъектом развития страны, тем более на таком сложном переломном этапе; но им отвечают: дорогие друзья, давайте-ка расслабьтесь, развлекитесь, ваша социальная активность никому не нужна. Занимайтесь чем угодно, только не лезьте в ту сферу, где мы — абсолютные монополисты. Или чуть иначе: как раз для вас — людей с избытком социальной энергии — мы придумали движение «Наши», «Молодую гвардию» и проч.

Вот и сейчас происходит нечто подобное. Действительно, главное орудие управления обществом — это телевизор, и две вечные крайности в России, два жестких полюса — анархия и такой вульгарный «гиперэтатизм», которые и задают модель циклического развития. Сначала власть затягивает гайки, но в какой-то момент срывается резьба. В результате, начинается бунт, который, как мы помним, «бессмысленен и беспощаден», наступает Смута и т. д.

Вопрос заключается в том, что властная корпорация не дает возможности быть субъектами иным культурно-историческим типам, и прежде всего тем, которые являются пассионарными и продуктивными для развития страны, поскольку прямо или косвенно они выступают в качестве конкурентов власти. Власть делает все для того, чтобы эту субъектность слить или как-то сублимировать. Вопрос развития страны в наших российских условиях напрямую зависит от властной корпорации и вызовов ей. Например, падение мировых цен на нефть, субъективные факторы, связанные с личностями носителей власти, еще что-то. Ну, или, как теперь говорят: если на нас упадет гигантский метеорит и все на планете радикально изменится...